

Иеромонах Иов (Геча)

**РАЗМЫШЛЕНИЯ А.В. КАРТАШЕВА
О РОЛИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА
В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ
В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ
БОГОСЛОВОВ**

Незнание или забвение истории часто приводит нас к повторению ошибок прошлого. Целью настоящего доклада является напомнить позиции профессора А.В. Карташева, изложенные в одной, очень забытой, статье об особенной роли Константинопольского патриарха во вселенском Православии, и показать отображение его тезисов в трудах современных православных богословов. Это краткое напоминание истории поможет нам, я надеюсь, лучше осмыслить устройство Православной Церкви сегодня.

**Размышления А.В. Карташева о роли
Константинопольского патриарха**

В статье, опубликованной в 1936 году в Варшаве под названием «Практика апелляционного права Константинопольских патриархов»¹, церковный историк Антон Владимирович Карташев излагает позицию относительно авторитета и особенной роли Константинопольского патриархата в православном мире, базирующуюся, согласно его мнению, на апелляционном праве, которое является исключительной привилегией Константинопольских патриархов.

Очевидно, что эта привилегия вытекает из того обстоятельства, что со времени основания Константином новой столицы империи положение Константинопольского архиепископа при императоре сделало его патриархом «вселенским»², то есть патриархом «империи», поместив его на второе место в

---

¹ *Карташев А.В.* Практика апелляционного права константинопольских патриархов. Варшава, 1936. С. 19. Эта статья была переведена в 1948 г. на греческий язык профессором Фотиадесом.

² Там же. С. 2.

системе пентархии. Очень скоро Константинопольский архиепископ получает на Востоке апелляционное право, аналогичное тому, которым обладал на Западе папа римский¹. Карташев напоминает о многих исторических фактах, которые показывают, что в случае споров в Константинопольский патриархат обращались не только епархии и митрополии, канонически зависящие от него, но также и автокефальные Церкви². Карташев различает три периода в практике апелляционного права Константинополя: период до Халкидонского собора, затем от Халкидона до падения Константинополя и период после падения Константинополя.

1. От Константина до Халкидонского собора (451 г.)

Карташев подчеркивает то обстоятельство, что присутствие Константинопольского архиепископа в столице империи сделало его равночестным императору и поставило на второе место в системе пентархии, как на это указывает 2-е правило II Вселенского Собора (381 г.). Таким образом, архиепископ Нового Рима оказался в диптихе сразу после архиепископа Старого Рима. Во время, когда Церковь страдала от внутреннего разделения, причиненного распространением арианства, не только епархии, подчинявшиеся Константинополю, но даже апостольский престол Антиохии обращается к Константинопольскому патриарху для восстановления мира и спокойствия. Именно поэтому, как указывает Карташев, константинопольский патриарх Нектарий использовал свое право принимать апелляции, поступив при этом не диктаторски, а воспользовавшись созванным в 394 г. собором в Константинополе, на котором присутствовали патриархи Феофил Александрийский и Флавиан Антиохийский³.

Как объясняет Карташев, именно по причине такого авторитета Константинополя, неоспоримого уже в IV в., интронизированный на вселенский престол св. Иоанн Златоуст, чуждый властолюбия, сохранял этот порядок имперской Церкви, что, впрочем, стало причиной несправедливого противостояния по отношению к нему, а затем ссылки и преждевременной смерти.

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 2-3.

³ Там же. С. 4.

В 399 г. он получил жалобу от асийских епископов на Ефесского экзарха. Он получал также жалобы на Александрийского патриарха от епископов Палестины, Финикии и Сирии. Атик (405-425 гг.), один из преемников Златоуста на вселенском престоле, продолжал употреблять апелляционное право, простирая свою власть на епархии Понта, Азии, Фракии, Иллирика и на о. Крит¹.

Карташев говорит также, что Несторий (428-431 гг.), занимая тогда вселенский престол и пользуясь апелляционным правом, принял жалобу александрийского клира на их епископа, св. Кирилла. По выражению Феодорита Кирского, Несторий вел себя как «председатель всей империи»².

Патриарх Прокл (444-446 гг.) простирает свою юрисдикцию на епархии Фракии, Азии и Понта и, сам рукополагая епископов Ефеса, Кесарии и Анкиры, принимал апелляцию от епископов Антиохийского округа. Например, когда Ириней, несмотря на двоеженство, был возведен на тирскую кафедру, епископы Антиохийского патриархата просили подтверждения этого решения Проклом Константинопольским³.

Карташев нам также напоминает, что когда Флавиан (446-449 гг.) занимал Константинопольский престол, он получил апелляцию от эдесских клириков, оспаривавших ересь епископа Ивы Эдесского. Этот вопрос разбирала комиссия, и Флавианом были приняты меры, утвержденные императором. Принятое решение было затем представлено Халкидонскому собору. Обладая тем же правом принимать апелляции, Флавиан получил жалобу на Диоскора Александрийского от антиохийского экзарха Домна⁴.

2. Период от Халкидонского собора до оттоманского порабощения (1453 г.)

Карташев подчеркивает важное значение Халкидонского собора, который «канонизировал» апелляционное право Константинопольской кафедры в 9, 17 и 28-м правилах. Во главе имперской административной системы стоял император, по левую руку — префект претории, а по правую — ар-

¹ Там же. С. 4-5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 6-7.

хиерархический, привилегии которого распространялись на всю империю. После Халкидона в *Кодексе* императора Юстиниана Вселенский патриарх именуется «главой всех других Церквей»¹.

Карташев также указывает, что в VII в. части Грузинской и Армянской Церквей подчинялись Константинопольской кафедре и что впоследствии, благодаря миссионерской деятельности Константинополя, создаются новые Церкви: Сербская, Болгарская, Русская, Валашская. Параллельно этому под давлением ислама Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская Церкви переживают настоящий упадок².

Карташев подчеркивает, что в IX в. апелляционное право Константинопольских патриархов находит свое определение в *Эпанаксисе* императора Василия Македонянина (886 г.). Оно основывается на древней практике: «Престол Константинопольский, украшающий столицу, признан первым в соборных постановлениях, последуя которым божественные законы повелевают, чтобы возникающие при других кафедрах несогласия доводились до сведения и поступали на суд этого престола. Каждому патриарху принадлежит забота и попечение о всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквях, а равно суд и рассмотрение и решение дел; но предстоятелю Константинополя предоставлено и в пределах других кафедр... рассматривать и исправлять возникающие при других кафедрах несогласия»³. Матфей Властарь (ум. 1350 г.), интерпретируя это императорское постановление, пишет в своей *Синтагме* (VI, 429 г.): «Предстоятелю Константинополя принадлежало право наблюдать за возникающими и в пределах других престолов несогласиями, исправлять их и произносить окончательный суд»⁴.

Карташев приводит также примеры употребления Константинополем апелляционного права на протяжении монофизитской смуты, за которой последовал Халкидонский собор. Мартирий Антиохийский обратился к Геннадию Кон-

¹ Там же. С. 7. «Omnibus rebus ecclesiasticis prospicientes et praecipue iis, quae competunt sacrosanctae magnae ecclesiae huius felicitis urbis nostrae omniumque matri quae caput est reliquarium omnium...» Cod. Just. I, 2, 24 (С.О.С. II, 17).

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 8.

стантинопольскому относительно своего конкурента по кафедре — монофизита Петра Гнофевса. Позднее Петр все же захватил Антиохийскую кафедру, но затем был свергнут собором, созванным в Антиохии. Такое решение было подтверждено Константинопольским патриархом Акакием. Впоследствии император Зинон отнял у антиохийцев право избрания себе первоиерарха и приказал поставить кандидата в Антиохию в Константинополе¹.

Карташев напоминает также об интриге, возникшей во время правления императора Анастасия (491-518 гг.) и патриарха Македония II (496-511 гг.), когда монахи-монофизиты Маюмского монастыря во главе с Севиром подали жалобу на Иерусалимского патриарха Илию. Несмотря на то, что эта интрига привела к низложению патриарха Македония и захвату Антиохийской кафедры Севиром, она свидетельствует о том, что монахи Иерусалимского патриархата обращались с апелляцией в Константинополь².

При императоре Юстиниане (527-563 гг.), Александрийский патриарх Феодосий (умеренный монофизит) жаловался патриарху Мине (536-552 гг.) на крайних монофизитов Александрии. Мина созвал собор, на котором был осужден и низложен даже сам Феодосий. Впоследствии, Константинопольский патриарх Иоанн III Схоластик заменил Григорием Антиохийского патриарха Анастасия. Этот же Григорий обратился позднее к Константинопольскому патриарху Иоанну IV Постнику, чтобы оправдать свои действия, но Иоанн Постник не внял его оправданиям и осудил его на своем соборе³.

Со второй половины VII в. распространение ислама на Востоке способствовало усилению положения и роли Вселенского патриархата. После захвата персами Антиохии в 611 г. патриархи на эту кафедру стали избираться в Константинополе. Эта практика продолжалась и тогда, когда при императоре Никифоре Фоке в 970 г. Антиохия была вновь присоединена к Византийской империи. После взятия Антиохии крестоносцами Антиохийские патриархи жили при Константинополе, и только в 1263 г. турки разрешили православным патриархам вернуться на свою кафедру. В подобной ситуации оказался Иерусалимский патриархат. Священный Город

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 10.

был взят арабами в 638 г., а затем крестоносцами в 1099 г. В этот период Иерусалимские патриархи жили и избирались в Константинополе¹.

3. Период от оттоманского ига до наших дней

Как объясняет Карташев, сложно говорить об апелляционном праве Вселенского патриархата во время оттоманского порабощения, поскольку на протяжении данного периода этот патриархат включал в себя всю Восточную Церковь. Константинопольский патриарх стал в Оттоманской империи представителем всего *рум милети*, то есть всех православных христиан. Из этого следует, что в период оттоманократии Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский патриархаты полностью зависели от Константинополя. Эта политическая ситуация повлекла за собой резкую централизацию церковно-административного управления. Особенно это выразилось при Константинопольском патриархе Самуиле (1763-1774 гг.), который упразднил Сербский патриархат и автокефалию Охриды. Еще более сложно говорить об апелляционном праве Константинопольского патриархата в этот период в отношении «негреческих» Церквей, освобождавшихся от оттоманского ига, так как это освобождение сопровождалось самопровозглашением автокефалии, которое, чаще всего, являлось также желанием независимости от греко-говорящего мира².

Однако даже в этот период мы находим много примеров обращений в Константинополь. Когда в начале XIX в. возобновилось избрание патриархов на Александрийскую кафедру (чего еще не наблюдалось в конце XVIII в.), церковную жизнь стала беспокоить борьба между различными партиями. Одно из таких нестроений возникло, когда патриархом был избран Никанор. Архиепископ Евгений хотел стать эпитропом (управляющим делами), но партия Никанора избрала монаха Нила. После обращения к Константинополю оттуда в Александрию был прислан Софроний³.

Подобные случаи происходили в Антиохийском патриархате. Когда патриарх Макарий оставил по себе преемника

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 13-14.

³ Там же. С. 15.

Кирилл, в то же время Константинопольским синодом был избран Неофит. Кирилл обратился в Константинополь, где его сан был признан. В другом случае клирики Алеппо захотели избрать себе епископом монаха Афанасия, кандидатура которого была отвергнута патриархом Кириллом. Константинопольский патриарх возвел Афанасия в степень митрополита, а Кирилл был низложен¹.

Подобные случаи имели место и в Иерусалимском патриархате. В 1872 году, при возникновении болгарской схизмы, патриарх Кирилл II, восстановивший нормальный образ жизни Иерусалимской Церкви и проживавший в пределах своей кафедры, имел ссоры с эллинистами. Тогда Святотроубское братство при содействии Вселенской патриархии свергло его с кафедры. Однако, арабская партия, не захотевшая принять его преемника Прокопия, апеллировала к Константинопольскому патриарху, и Прокопий вынужден был уйти с кафедры.

Архиепископ Синайский Кирилл, не захотевший иметь связь с Иерусалимским патриархом, который должен был поставить его в игумена монастыря, обращается к Константинопольскому патриарху с просьбой, чтобы тот совершил поставление².

И наконец, Карташев напоминает, что Русская Церковь, после избрания патриарха Тихона в 1918 г., жаловалась Константинопольскому патриарху на епископат Грузинского экзархата, отделившегося от нее. Со своей стороны, Грузинская Церковь обращается в Константинополь с просьбой признать восстановление своей автокефалии. В 1922-1923 гг. Московский патриархат снова апеллирует к Константинополю в связи с деятельностью обновленцев³.

Напомнив все эти исторические обстоятельства, Карташев приходит к следующему выводу: «Приведенной серии примеров, не претендующих на исчерпывающую полноту, мы полагаем, достаточно, чтобы признать первенствующую роль Константинопольского патриархата в нашем Восточном Православии, не только как археологический факт прошлого, но и как живое действующее начало. Вопрос лишь в правильном его истолковании и приложении для преодоления

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 17-18.

³ Там же. С. 19.

ненормальной разьединенности отдельных национальных Церквей»¹.

В начале своей статьи Карташев сожалеет о появившейся тенденции, особенно среди славянских Церквей, сводить роль Вселенского патриарха к возможному минимуму из-за национальных (или этнофилетических) пристрастий². По его мнению, осознание этой роли особенно необходимо в наше время, когда организованная, скоординированная деятельность всего православного мира становится все более необходимой³.

Право апелляции к Вселенскому патриарху в трудах современных богословов

Концепция апелляционного права к Вселенскому патриарху, разработанная в трудах А.В. Карташева, преимущественно основывается на 9-м и 17-м правилах Халкидонского собора. Впоследствии эти два правила использовались для оправдания вмешательства Вселенского престола в юрисдикционные конфликты между Православными Церквами, а также чтобы доказать право Константинопольского патриарха на попечение о православных Церквах во всем мире. Эти правила по-разному истолковывались и использовались современными православными богословами.

Напомним сначала основание этих правил. Если между двумя клириками возникнет несогласие, они должны обратиться к своему епископу, который их рассудит. Если клирик имеет несогласие со своим епископом или с каким-либо другим епископом, он должен обратиться к митрополиту, председательствующему в окружном синоде. Если имеется несогласие с митрополитом данного округа, он должен обратиться к «экзарху диоцеза или к престолу царствующего Константинополя» (9-е правило Халкидонского собора).

1. Тезис С. Троицкого

В своей статье под названием: «О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского собора»⁴ канонист С. Троицкий отве-

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 1.

⁴ *Троицкий С.* О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского собора. ЖМП. 1961. №2. С. 57-65.

тил на статью Карташева, которого он считал «идеологом парижского раскола»¹. Троицкий говорит о том, что термин «экзарх», содержащийся в этих канонах и переведенный Дионисием Малым на латинский язык словом *primas*, послужил папе Николаю I для того, чтобы доказывать перед императором Михаилом III свое право судить вселенскую Церковь². Согласно Троицкому, эти правила были не только у истоков западного папизма, но и того, что он называет «восточным папизмом»³. Он также считает, что правильное истолкование этих двух канонов является очень актуальным, «поскольку неправильное толкование этих канонов ведет к неправильному пониманию устройства Православной Церкви и может вызвать нарушение канонических взаимоотношений между православными автокефальными Церквями»⁴.

Толкуя данные каноны, Троицкий считает, что они относятся исключительно к спорам между клириками касательно гражданского права и нарушения общего права, а не к церковным тяжбам⁵. В заключение он говорит: «Так как 9-й канон Халкидонского собора говорит о подсудности только гражданских, а не церковных дел и не говорит об апелляции, то этот канон никак не может служить доказательством апелляционного права константинопольского патриарха в делах церковного характера»⁶.

2. Ответ митрополита Максима Сардийского

Митрополит Максим Сардийский опроверг тезис Троицкого. Он объясняет, что термин *драуца*, содержащийся в 9-м каноне, не относится исключительно к гражданскому праву, как это доказывал Троицкий, но что он может обозначать ссору, случай, расхождение или тяжбу в широком смысле слова. Для примера он цитирует 15-е правило Карфагенского собора, где этот термин употребляется для обозначения

---

¹ Ibid. P. 58. Под «парижским расколом» он подразумевает Экзархат русских приходов в Западной Европе под омофором Вселенского патриархата.

² Ibid. P. 57.

³ Ibid. P. 58.

⁴ Ibid. P. 58.

⁵ Ibid. P. 59.

⁶ Ibid. P. 64.

церковных ссор¹. Митрополит Максим обращает также внимание на неточное толкование термина *πρωτεύων* и указывает на плохое знание греческого языка, которое ввело Троицкого в заблуждение и не позволило ему понять все текстуальные тонкости².

Митрополит Максим обращает внимание на выражение «к экзарху диоцеза или к престолу царствующего Константинополя». Он считает, что отличие Константинопольского патриарха от экзарха диоцеза усвоит последнему больший авторитет, так как дает ему право, в отличие от других экзархов, принимать жалобы епископов и клириков, которые не подчинены его кафедре³.

Митрополит Максим делает заключение, настаивая на признании положения об апелляционном праве Константинопольского патриарха, выраженного Карташевым, и формулирует его в восьми пунктах:

1) доминирующее положение Константинопольского епископа на христианском Востоке, обусловленное его местонахождением в столице, в сердце империи, подобно положению Рима на Западе;

2) его положение как главы столичной Церкви, постоянно пребывающего в общении с императором и его двором, дает ему право, превышающее пределы его канонической юрисдикции;

3) часто епископы, посещающие столицу по насущным вопросам, пользовались этим, чтобы получить совет у патриарха; это послужило причиной создания в Константинополе Постоянного Синода;

4) постепенно этот Синод стал заниматься вопросами, которые были не под силу решить синодам в провинциях;

5) 9-й и 17-й каноны Халкидонского собора не учреждают новую практику, а являются результатом, вытекающим из ранее существовавшей практики;

6) митрополит Максим полагает, что право апелляции к Константинополю, упоминаемое в этих канонах, должно быть понимаемо в том смысле, что экзархи, то есть патриархи

¹ *Maximus, Metropolitan of Sardes. The Ecumenical Patriarchate in the Orthodox Church. Analecta Vlatadon. 24. Thessaloniki, 1976. P. 187 (=Le patriarcat œcuménique dans l'Eglise orthodoxe. Paris, 1975. P. 233).*

² *Ibid. P. 190.*

³ *Ibid. P. 191.*

данных территорий, не сумели найти нужного решения спорных вопросов, удовлетворяющего враждующие стороны;

7) таким образом, по митрополиту Максиму, этими канонами Константинопольский престол учрежден как высший церковный суд для христианского Востока — таким же образом, как каноны Сардикийского собора установили в Риме высший церковный суд на Западе;

8) тем не менее, митрополит Максим подчеркивает, что эта привилегия Константинополя никоим образом не позволяет ему вмешиваться в дела других патриархатов и что Вселенский престол может использовать это право только тогда когда ссорящиеся между собой стороны обращаются к нему¹.

Это последнее замечание представляется нам весьма справедливым.

3. Комментарий архиепископа Петра (Л'Юилье)

Не ссылаясь на статью Карташева, архиепископ Петр Л'Юилье рассматривает и резюмирует полемику вокруг апелляционного права Константинопольской кафедры. Он так комментирует 9-й канон Халкидонского собора. Соглашаясь с митрополитом Максимом в том, что этот канон не подпадает исключительно под суд гражданского права (в противоположность тому, что думал выдающийся русский канонист Троицкий), он считает, однако, что это правило не дает вселенского права (распространять власть на всю Вселенную) Константинопольскому патриархату, которое тот присвоил впоследствии и которое позволяет ему вмешиваться в юрисдикционные конфликты между Православными Церквями².

Вслед за Дарузе (J. Darrouzès), Л'Юилье указывает также на сомнения, существующие в отношении термина «экзарх», употребляемого в этом каноне³. Используя аргументы В. Фидаса, Л'Юилье думает, что термин «экзарх» был заменен впоследствии термином «патриарх»⁴. Следователь-

¹ Ibid. P. 201-203.

² P. L'Huillier. The Church of the Ancient Councils. The Disciplinary Work of the First Four Ecumenical Councils. Crestwood, N.-Y., 1996. P. 230.

³ J. Darrouzès. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966. P. 79. L'Huillier. P. 231-232.

⁴ P. L'Huillier. P. 232. Ср. резюме тезисов В. Фидаса в: *Maximus, Metropolitan of Sardes*. Op. cit. P. 194-196; критика митрополита Максима — на с. 196-198.

но, в случае тяжбы между епископом и клириком судящиеся могут обращаться, согласно их желанию, к экзарху диоцеза или к Константинопольскому престолу. Л'Юилье напоминает, однако, что, согласно Мюллеру (K. Müller), нужно учитывать следующее обстоятельство: когда в области имеется экзарх, необходимо обращаться к нему, а не к Константинопольскому престолу; в Константинополь же следует обращаться только в случае отсутствия экзарха¹. Он делает заключение, говоря, что «чтение, предложенное Мюллером, дает канону во всей полноте удовлетворяющую связь. Другие чтения ведут к пониманию, которое или является произвольным, или предполагает мало возможные анахронизмы»².

Таким образом, мы можем резюмировать позицию Л'Юилье. Последний считает, что главе каждой автокефальной Церкви принадлежит право принимать апелляцию клириков своей Церкви и что такая апелляция является последней возможной апелляцией, поскольку Константинопольский патриарх не обладает правом власти над всей Вселенной.

4. Отец Александр Шмеман и вопрос «неопапизма»

Оправдание 9-м и 17-м канонами Халкидонского собора апелляционного права Константинополя привело, как мы видели у Троицкого, к обвинениям Вселенского престола в «восточном папизме». По этому поводу о. Александр Шмеман сделал несколько замечаний в статье, озаглавленной «Вселенский патриарх и Православная Церковь»³. Эта статья явилась ответом на послание патриарха Афинагора в Неделю Православия 1950 года, послужившее поводом для обвинения Вселенского патриархата в «ереси неопапизма». Данная статья о. Александра вызвала реакцию со стороны канониста Троицкого, выразившуюся в другой статье под названием «Экклезиология парижского раскола»⁴ (здесь мы не

¹ K. Müller. Kirchengeschichte. 1. Tübingen, 1929. P. 656-658. *L'Huilier*. P. 233.

² P. L'Huilier. P. 236.

³ Прот. Александр Шмеман. Вселенский патриарх и Православная Церковь // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1951. №28. С. 3-12.

⁴ Троицкий С. Экклезиология парижского раскола // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1951. № 7-8. С. 2-25.

будем ее разбирать, поскольку анализ этой статьи вывел бы нас за пределы нашей темы).

В своей статье о. Александр Шмеман утверждает, что мы никак не можем обвинить Вселенского патриарха в «папизме» в том смысле, в каком его понимает Ватикан, поскольку Константинопольский престол не претендует ни на божественное установление, ни на вселенское превосходство, предполагающее подчинение ему всех других Церквей, ни на какую-либо непогрешимость¹. Он напоминает, что 34-е Апостольское правило, которое говорит, что «епископы каждого народа должны признавать первого из них», относится к главам Православных Церквей. Он считает, что сторонники «абсолютного автокефализма» укоряют в ереси Вселенский престол, желающий исполнить это назначение в масштабе мирового Православия².

Отец Александр понимает Константинопольскую кафедру как центр мирового Православия в духе 34-го Апостольского правила. Это центр, который должен наблюдать за единством Православной Церкви, но это ни в коем случае не означает, что различные автокефальные Церкви должны быть ему подчинены.

Он пишет: «Единство Церкви, ее полнота, целостно и неделимо пребывающая в каждой Церкви, в каждом месте, раскрывается и осуществляется в единстве всех между собой. А этот вселенский союз требует и вселенского центра, вселенского Первоиерарха. И кому, как не ему взять на себя заботу об этом объединении, свидетельство об этом единстве, почин врачевания болезней? Такой центр Православная Церковь всегда имела, имеет и сейчас — в Константинопольской кафедре»³.

Таким образом, о. Александр Шмеман высказывает в своей статье выдвинутую А.В. Карташевым мысль о том, что для Православной Церкви является необходимым наличие координации между различными Православными Церквями и что эту роль необходимо взять на себя Вселенскому патриархату и исполнить ее в духе канонов.

¹ Прот. Александр Шмеман. Вселенский патриарх и Православная Церковь // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1951. №28. С. 4.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 12.

5. *Позиция архиепископа Георгия (Вагнера) в отношении диаспоры*

Архиепископ Георгий (Вагнер) унаследовал со своей стороны мысль А.В. Карташева касательно права апелляции к Константинопольскому патриарху и применил ее к трудному вопросу диаспоры. Это применение апелляционного права для доказательства того, что Константинопольский престол имеет юрисдикционное право на диаспору, оказывается подчас довольно оригинальным по отношению к используемому в качестве аргумента 28-му правилу Халкидонского собора, где такая юрисдикция основывается на понимании «епархий у варваров».

В процессе работы конгресса в Амьене в 1977 г., посвященному вопросу диаспоры, архиепископ Георгий высказал мнение, что ответственность за православную диаспору лежит в особой степени на Константинопольской Церкви. Он ссылаясь, как и Карташев, на исторические условия, благоприятствовавшие тому, что Константинопольский престол оказался в особом положении по отношению к другим кафедрам — в целях диаконии: «Именно здесь должна проявить себя особая ответственность, принадлежащая одной поместной Церкви среди всех остальных — Вселенскому патриархату. Особенное каноническое и историческое положение Константинопольской Церкви налагает на нее почетную ответственность и служение предстательства о всех остальных Православных Церквях»¹. Таким образом, первенство, принадлежащее этой кафедре, не есть первенством власти или чести, а первенством евангельской диаконии, по слову Христа: «Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф 20:27).

Архиепископ Георгий напоминает также, что обращение митрополита Евлогия (Георгиевского) к Константинопольскому патриарху, которое русский канонист Троицкий вначале расценивал как «парижский раскол», также основывается на апелляционном праве: «Митрополит Евлогий обратился к Константинопольской Церкви. Это было событие, имеющее решающее значение»². Затем он в том же направлении, что

¹ *Georges Wagner. Droits et devoirs de l'Église de la diaspora // Le messenger orthodoxe. 1977. №77. P. 11.*

² *Ibid.*

и Карташев, обосновывает данное право: «Право такой апелляции к Константинополю зиждется на особенном положении этой Церкви (3-е правило III Собора и 28-е правило IV Вселенского Собора), предписано святыми канонами (9-е и 17-е правила IV Вселенского Собора) и церковной практикой»¹.

Мы могли бы возразить архиепископу Георгию, что приращение 9-го и 17-го правил Халкидонского собора к диаспоре совершенно не обосновано и несправедливо, поскольку контекст этой проблемы не касается тяжб между клириками, разрешение которых принадлежит местному епископу или митрополиту. Однако, точка зрения архиепископа Георгия представляется интересной в том отношении, что каждая Поместная Церковь учреждает свою юрисдикцию в диаспоре, которая, следовательно, становится «землей тяжб». Если проблема такого рода не может решиться до сего времени, то это потому, что она превышает полномочия одного патриаршего или регионального синода и нуждается в разрешении на всеправославном уровне.

6. Апелляционное право, согласно архимандриту Григорию (Папатомасу)

Вопрос апелляционного права к Константинопольскому патриарху был поднят недавно в трудах архимандрита Григория (Папатомаса), который, к удивлению, вовсе не упоминает о 9-м и 17-м халкидонских правилах.

В своей статье о «Различных способах юрисдикционного управления Константинопольского патриархата»² архимандрит Григорий говорит о появлении «апелляционного права» (εκκλητων), сформулированного по поводу апелляций к епископу Рима 3, 4 и 5-м канонами Сардикийского собора (343 г.) на основании предшествовавшей практики. С его точки зрения, апелляционное право вытекает из того обстоятельства, что этот *primus* был епископом города, имевшего важное значение, что он являлся *protos* (первым) в патриаршей системе и что он занимал первое положение в диптихах³.

¹ Ibid.

² *Grigorios Papathomas. Les différentes modalités d'exercice de la juridiction du Patriarcat de Constantinople // Istina. 1995. №40. P. 369-385.*

³ Ibid. P. 379.

Согласно архимандриту Григорию, после церковной схизмы в 1054 года апелляционное право переходит к следующей патриаршей кафедре — к Константинопольскому патриарху, который с этого времени занимает первое место в диптихах. Он полагает, что период оттоманского порабощения только усилил эту роль, поскольку на протяжении этого времени патриарх стал посредником между христианским населением и турецкими властями¹.

Следует отметить заключение, сделанное о. Григорием касательно этого особого права Константинопольского патриарха: «Канонический способ осуществления еκκλῆσιῶν Константинопольским патриархом проистекает из его исходных патриарших качеств; смысл его установления однажды может быть сведен к небытию. Однако, с 1054 г. он канонически осуществляет это церковное право по преемству в Православной Церкви»².

Следовательно, апелляционное право Константинопольского патриарха не является правом, исходящим из природы последнего, а правом, возложенным на него ввиду его особого положения как *primus inter pares*. Это не онтологическое право, а «физиологическое», исходящее не от его кафедры, а от его положения (ранга). В той мере, в какой диптих является системой, а не учреждением, положения (ранги) могут меняться, и следовательно, это право может перейти другой кафедре, если когда-либо Вселенский собор пересмотрит порядок диптихов.

Заключение

В заключение этого доклада нам представляется важным напомнить некоторые, на наш взгляд, фундаментальные, тезисы касательно апелляционного права Константинопольского патриарха.

1. Как было хорошо показано церковным историком А.В. Карташевым, право апелляции к Константинопольскому патриарху восходит ко времени основания Константином в IV веке Константинополя как имперской столицы. В этих условиях столичный епископ стал собеседником императора в церковных делах, что постепенно превратило столичного патриарха в патриарха «империи» (вселенской).

¹ Ibid. P. 379.

² Ibid. P. 379.

2. С этого времени это право использовалось по отношению к более древним кафедрам Иерусалима, Антиохии и Александрии, которые никогда не находились в канонической юрисдикции Константинопольской кафедры. Это апелляционное право, утвержденное 9-м и 17-м канонами Халкидонского собора, сделало из Константинополя на Востоке то, чем являлся Рим на Западе, с присущим ему аналогичным правом, утвержденным 3, 4 и 5-м правилами Сардикийского собора.

3. Нам кажется, что понятие апелляционного права основывается на практике права апелляции к митрополиту, учрежденному 37, 38 и 139-м канонами Карфагенского собора (419 г.), и является их развитием. Эти каноны утверждают принцип, согласно которому в случае тяжб с епископом надлежало обратиться к первому из них в данной области, то есть к митрополиту. Следовательно, 9-й и 17-й каноны Халкидонского собора (451 г.) только переняли уже существовавшую практику, добавив к ней, что в случае, если митрополит не может разрешить тяжбу, необходимо обратиться к суду первого между митрополитами, то есть к «экзарху» или патриарху. В соответствии с данным принципом можно дойти до первого из глав Церквей.

4. Очень важно отметить, что это право применяется не в монархическом, а в соборном смысле. В этом заключается фундаментальное отличие между папством (где папа осознает себя верховным епископом с вселенской юрисдикцией) и вселенским патриархом как *primus inter pares*, использующим свое апелляционное право в случае, если к нему обращаются по поводу тяжб.

5. Необходимо также иметь в виду, с одной стороны, последствия турецкого порабощения, а с другой стороны, последствия возникновения национальных движений в XIX-XX веках, появившиеся по причине как усиления положения Вселенской кафедры, так и существовавшей тенденции отрицания особенной роли, связанной с этим положением. Этот факт ставит перед нами следующий вопрос: может ли быть применено такое апелляционное право в другом геополитическом и историческом контексте?

6. Нужно также напомнить, что понятие апелляционного права происходит из порядка диптихов, имеющих свое основание в пентархии, которая является системой, а не учреж-

дением (институцией). Следовательно, апелляционное право, а также диптихи являются функциональными категориями (система) и не имеют какую-то особую природу (институция). Апелляционное право принадлежит Константинопольской кафедре не по природе, а по положению в диптихах. Следовательно, это не онтологическое право, а «физиологическое» или функциональное, которое могло бы перейти в какой-то момент к другой кафедре, если Вселенский собор пересмотрит порядок диптихов.

7. По прошествии семидесяти лет после издания статьи великого русского богослова и историка А.В. Карташева мы можем только вместе с ним желать лучшего взаимодействия между Православными Церквями. Страсти национального или филетического характера, которые приводят к напряженности и осложнению отношений между Поместными Церквями и к разным проблемам, возникающим сегодня в Церкви (как, например, условия дарования автокефалии, православная диаспора и вопрос диптихов), а также процесс глобализации и технологического и биологического прогресса понуждают нас желать вместе с великим Карташевым, чтобы Вселенский патриархат, употребляя апелляционное право, послужил лучшей координации деятельности всего православного мира.

8. Эта роль, принадлежащая первому среди равных, конечно, есть диакония. Речь идет о служении, а не о царствовании. Следовательно, апелляционное право должно использоваться в духе евангельской любви, воплощая слова Господа нашего Иисуса Христа: «Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф 20:27).